

Комиссия по социальным
и культурным проблемам
глобализации

Научный совет «История
мировой культуры» при
Президиуме Российской
Академии Наук

ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия

Бюллетень Комиссии по социальным и культурным
проблемам глобализации. Осень 2019

ТЕМА НОМЕРА: ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИИ

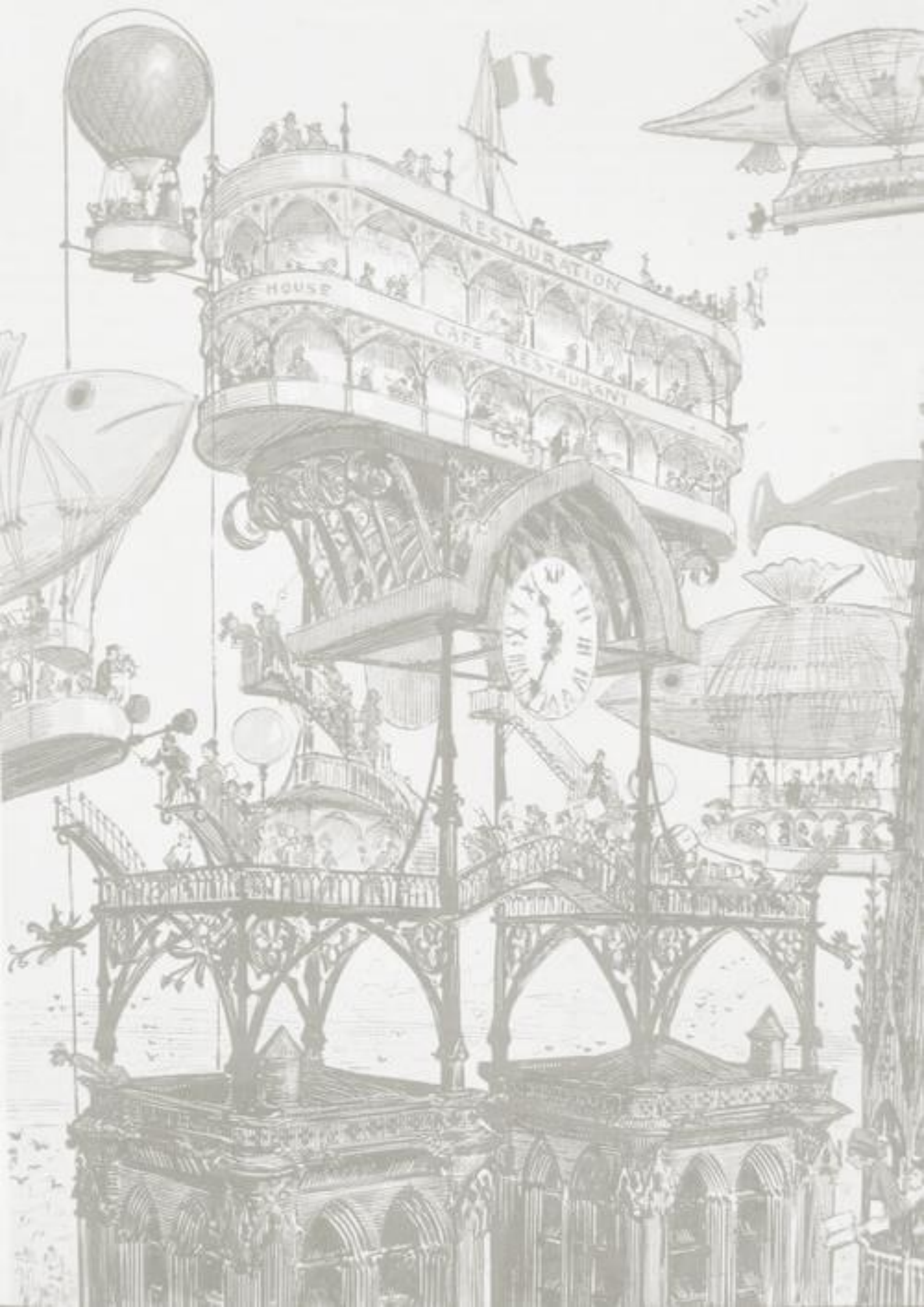
XXIX Экономический форум
3-5 сентября 2019

Крыница-Здруй, Польша

IX Южно-Российский
политологический конвент
28 октября – 1 ноября 2019
Ростов-на-Дону, Россия

ПРОЕКТ «БОРЬБА ЗА
БУДУЩЕЕ»
СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК
“FIGHT FOR FUTURE” PROJECT
SPECIAL ISSUE

ИНТЕЛПРОС
МОСКВА 2019

Российская Академия Наук

Научный совет РАН «История мировой культуры»

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации

119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, к.724, тел./факс (495) 995-14-52, e-mail: intelros@intelros.org

Специальный выпуск. Осень 2019

Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам
глобализации

Александр Неклесса

ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИИ

Два доклада о цивилизационном транзите

ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия
МОСКВА 2019

ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия. Осень 2019 / Александр Неклесса. Эволюция истории. Специальный выпуск бюллетеня Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН / Отв. ред. Е.В. Хомутова. – М.: ИНТЕЛРОС. 2019. – 24 с.

Научное издание

Специальный выпуск бюллетеня издается Комиссией по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН совместно с Центром цивилизационных и региональных исследований ФГБУН ИАФР РАН.

Допечатка тиража (с изменениями и дополнениями)

Рабочие материалы Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН издаются в печатном и электронном виде в рамках программы «Цивилизационные альтернативы мирового развития» (реализуемой совместно с Группой «Север-Юг» и Центром цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН при поддержке экспертно-образовательно-медийного объединения «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия» и клуба «Красная площадь») для ознакомления членов Комиссии, а также Отделения общественных наук и Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН (по списку). Издание носит некоммерческий характер. Бюллетень распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License, позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материалы на любом носителе при условии, что оригинальная работа процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена ссылка на публикацию, а также информация об авторском праве и лицензии. Отдельные материалы, воспроизводимые в бюллетене и защищенные иным образом, могут потребовать дополнительного согласования с владельцами авторских прав.

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации учреждена в октябре 2002 года (постановление Президиума РАН №285 от 8.10.2002).

Свидетельство о регистрации СМИ Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ №77-18303 от 14.09.2004.

Бюллетень издается в печатном и электронном виде, содержание которых может не совпадать.

Электронная версия бюллетеня представлена на сайте ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия <http://intelros.ru/>

Специальный выпуск бюллетеня посвящен проблеме цивилизационного транзита. Содержит полный текст доклада А.И. Неклессы, подготовленного для XXIX Экономического Форума (3-5.09.2019, Крыница-Здруй, Польша), а также расширенную версию доклада на пленарном заседании IX Южно-Российского политологического конвента (28.10. – 1.11.2019, Ростов-на-Дону). В докладах анализируются некоторые методологические и прогностические аспекты цивилизационного транзита, актуальные тенденции глобальной трансформации, эволюция механизмов производства власти, динамика институтов знания, а также значение теории сложных систем для анализа текущей проблематики.

Эволюция истории © Александр Неклесса, 2019

Оформление © ИНТЕЛРОС, 2019

Фотография на обложке © Елизавета Неклесса, 2014

ЖИВОЙ ОГОНЬ

Глобальная трансформация и социальная ментальность

Мир – это живой огонь...

Гераклит

Забывая то, что позади, и устремляясь вперед, я спешу к цели.

Апостол Павел

История телеологична. Развитие социосистем не тождественно, но, по сути, аналогично генеральному эволюционному коду. Последовательное усложнение социокосмоса – результат обращения и устремленности к предзаданному идеалу. Смысл процесса – становление личности, преображение человека, освоение и отторжение среды, осознание обстоятельств, преодоление физических ограничений и биосоциальных пределов, совокупно воплощая геном истории.

Изгибы летописания сопровождаются и запечатлеваются в памяти кризисами, чреватými смутой и обретающими со временем символический статус. Привычный порядок сегодня удерживается, но усложняется, подвергается эрозии и реконструкции. Национальная государственность все теснее сопрягается с миром трансграничных сообществ, амбициозных корпораций, мотивированных лидеров, постсовременным акционизмом решительных индивидов. Очередная взрывная утопия вносит в происходящее ажиотаж, ускоряющий перемены: история беременна новизной. Трагедия 11 сентября – событие, приведшее к объявлению крупнейшей державой войны необычному противнику: рассыпающемуся, распределенному множеству радикальных мобилизационных структур, лишенных привычных признаков государственности и не обладающих регулярными вооруженными силами, – одно из свидетельств и тень происходящего переворота.

Мы живем в подвижной, напряжённой реальности, функционирующей по своим правилам. Состязание политий, обществ, укладов с несовпадающими, подчас химеричными принципами организации, реестрами ценностей и программами мироустройства опознается как эволюционный конфликт – видовая и цивилизационная конкуренция. Обитающие на планете персонажи используют разные алгоритмы развития, вопрос в том, какие оказываются доминантными. В антропологической вселенной применяются стратегии: личного успеха («викария из Брея»), корпоративные («красной королевы»), социокультурные («полифонического резонанса»), ценностные («стратегия черепахи»), а также их изменчивые в пропорциях сочетания.¹

¹ Состязание эволюционных стратегий («борьба за будущее») проявилось, к примеру, в личностных доминантах, дорожных картах и логике действий ключевых фигур времен II мировой войны: (а) оппортунистического «викария» Сталина, реагировавшего на вызовы своему лидерству

Данный список не является исчерпывающим. Не исключен выбор – личностями, сообществами, государствами, подспудной либо явной версии «культуры смерти»: суммы практик разрушения цивилизации и самоуничтожения [21, 3-11].²

Путь волхвов

Исторические зигзаги и перевороты предваряются революцией сознания: трансформацией социальной ментальности, картины мира, методов познания и действия с последующей коррекцией практики и образа жизни.

Когнитивные события определяют и аранжируют историческую ситуацию. В свое время сомнения парижского епископата (Этьен Тампье) в способности человеческого ума познавать при помощи аристотелевой логики основы бытия заложили фундамент новоевропейской науки [3, 181]. Приоритет в вынесении вердикта был, фактически, отдан свободному от игр разума арбитру – свидетельству созданной нечеловеческим актом и потому не ограниченной рамками людской ментальности «Книги природы» (т.е. эксперименту). Плоды подобного испытания – «инквизиции творения», оказались эффективным средством опознания конструкторов и гармоник мироустройства (и в этом особенном качестве – не вполне осознанным побегом теологии). «Новая физика» как инструментальное декодирование естественных законов, в своей глубинной сути – попытка прочесть запечатленный в творении язык и тем самым, отчасти постигнув логику Творца, приобщиться к ней, а не просто стройная комбинация разумных предположений (гипотез). Следствием данной коррекции режима знания стало представление о невообразимой сложности мира и техническая мощь современной цивилизации.

Секулярность – этот отличительный признак современности, также возникает в истории как проекция иудео-христианской концепции бытия. Признание естественности высокого достоинства человека, наделенного Творцом неотчуждаемыми правами, «к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью»³ (Томас Джефферсон), его способности к выбору, созиданию и обновлению перемалывает многие препоны, воплощаясь в психологическом самоопределении, личной ответственности, политических правах. Происходит «расколдовывание мира» (Макс Вебер) [14], сопровождаемое индивидуацией и деконструкцией религиозного традиционализма, «дефатализация истории» (Поль Рикёр) [25], огранка бытия. Процесс декларируется как преодоление «совершеннолетним человеком» в «повзрослевшем мире» (Дитрих Бонхёффер) [13] мифологических отождествлений и традиционалистских подчинений, «самоосвобождение от пут, привязывающих человека к прошлому, к природе, клану и идолам» (Эрих Фромм) [28]. Утверждаются постулаты интеллектуальной и экзистенциальной самоидентификации, веротерпимости, толерантности, рациональности

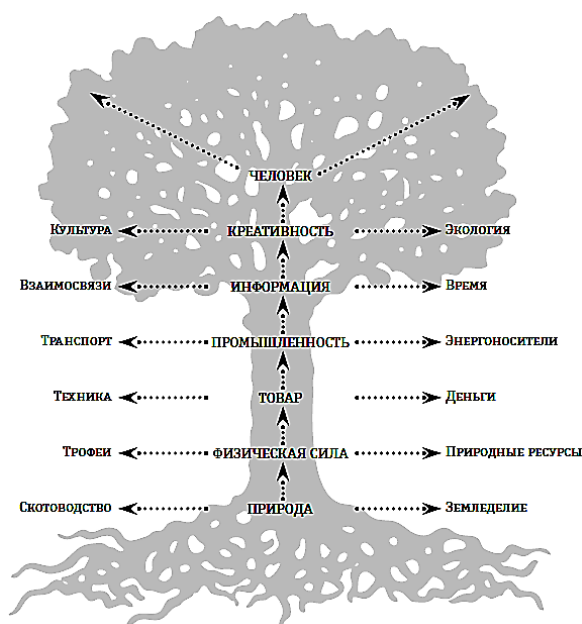
сменой платформ и террором (е.г. антиТроцкий – антиБухарин, антифашизм – критика «антигитлеризма» etc.), укрепляя позиции за счет ревизии курса и снижения качества популяции; (б) «ферзь» Гитлер с идеей «синкретизированной» национально-расовой корпорации, повышающей эффективность ценой мобилизационных усилий и ограничений индивидуального своеобразия; (в) социополитический дизайнер Рузвельт, проводивший модернизационное «терраформирование» внешней среды; (г) «черепаха» Черчилль, ставший символом общества, категорически отрицающего угрозу личностно-ориентированным ценностям («категорический императив»).

² Элементы можно уловить в реалиях последних дней Третьего рейха и милитаристской Японии, однако более яркие примеры дает теория и практика современного «шахидизма», но не только.

³ Declaration of Independence: A Transcription. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript>

как освобождения ума от власти суеверий. Общество и личность обретают право на суверенитет, отделяя приватное и социальное от тотальности многовекового синкретиза, одновременно удерживая и отторгая хаос, продуцируя алгоритмы сложного индивидуального поведения. Политические и юридические гарантии свободы выбора, волеизъявления и его манифестаций суть следствия подобного модуса.

Секулярность предоставляет возможность внешней позиции по отношению к сложившимся прочтениям/толкованиям кодексов мысли и действия. Установления, порожденные христианской мыслью и культурой, со временем выходят за пределы религиозной оболочки, осознаются в своей универсальной новаторской сущности и, переосмысленные под грузом трудной реальности, ее вскрывшихся обстоятельств, мрачных изъянов и скверных подробностей, воздействуют на социальные пространства, подвергая ревизии и витализируя. Возникают атакующие мир концепции «безрелигиозного христианства» (Дитрих Бонхёффер) [12], «политического богословия» (Йоханнес Метц) [7], «нетеистического теизма» (Доротея Зёлле) [9]. Поиск истины, соединяясь с обретенным опытом и осваивая непривычные наречия, устремляется к вселенской связности. Горизонты и маршруты постсекулярности сопряжены с усложнением карт мира, его запутанной морфологией, нелинейной динамикой, регенерацией живой целостности – когеренцией бытия, личности и познания, предполагая способность нового человека (*homo modernus*) удерживать синергию и выдерживать это великое объединение.

Путеводная звезда истории, камертон иного – предписанный, но не сыгранный сценарий: реальность выше рациональности, смыслы глубже вербализаций, а исполнение постигнутых прописей произвольно, подчас травматично и рекуррентно. Истина прозревается, правда же зависит от позиции и намерений наблюдателя – содержание событий тесно связано с их восприятием и толкованием. Персональный кризис и самопознание расчлениают коллективный сюжет, происходит «разжатие бытия» (Жан Поль Сартр) [26], диссипация представлений и установок: известное рождается из неизвестного, производя концепты и рецепты. Преодолевая границы прочитанного и усвоенного текста, действие вязнет в слоях подтекста и контекста, пока мысль не достигает радужных вод. Творческая реализация, равно как и личностная эмансипация, созидательные и разрушительные, влекомые обостренным наследственным инстинктом к источнику бытия, но также и к возможностям познания зла, сталкиваются по пути с

завораживающими перспективами, спотыкаясь и погружаясь в иллюзорный *fake-world*. И одновременно люди состояются с рецидивами массового общества, растворяющей силой популизма и консьюмеризма, яростью, усталостью, безразличием.

Высокотехнологичная и диверсифицированная инфраструктура – пространство развития сложноорганизованного общества. Индустриальная оптимизация, намекавшая на общее будущее, сменяется кризисом избыточности. Происходит массовое преодоление индивидами предписанных прежней культурой функций. Этот революционный фактор, спонтанно возникающая химера, подрывает устойчивость рафинированной культуры и равновесие цивилизации. Конструктивизм современности вытесняется личностным органицизмом новой эпохи, трансgressируя формально-логичные, позитивистские интерпретации природы вещей и потока событий, отменяя поглощение особенного общим, усечение несжимаемого, экономию на не вещественном, списание невидимого, игнорирование артефактов и сегрегацию апорий. Реализация промышленных ситуаций сочетается с бременем случайностей, обилием вероятностей, уводящих развитие по множеству «бурлящих дорог» (Фрэнк М. Норт). Исследование комплексной социальной реальности, вслед за переворотом в естественных науках испытывает затруднения с рационализацией постигаемого текста, подтекста и контекста общественных явлений, процессов и их следствий. Будущее все чаще демонстрирует свойства кодекса, не прочитываемого и не транслируемого посредством конвенциональных языков. Смысловые тропы переплетаются, обнажая порой фрактальный каскад не пересекающихся напрямую сюжетов. Лишь входя в резонанс с этой алогичной полнотой, усилие и его результат преобразуются в бытие.

Стационарный порядок разрушается, на планете рождается и утверждается пульсирующий ячеистый строй антропо-социальных взаимодействий. Тестирование итогов современности и прогнозирование будущего разрушают представления о должном, имеющим основания, но не обладающим бытием. Постсовременный ландшафт – подвижный лабиринт синхронностей, симуляций, обертонов. Стремление к деятельному разнообразию, овладению и управлению новизной со всей ее произвольной двусмысленностью, доминирует над промышленной экспансией, качественные и неизмеримые характеристики над количественными показателями, гештальт над процедурами исчисления, репликацией и перераспределением достигнутого.

Человек расправляет крылья

Стратегическое планирование не тождественно искусству стратегии, но тесно связано с ним. Суть стратегии – определение оптимального пути для достижения цели: превращения замысла в явление; она подобна дорожной карте, где расчёт маршрута производится не с помощью формальных геометрических калькуляций, а в соответствии с императивом цели, актуальными обстоятельствами, техническими возможностями передвижения и продвижения.

Особый импульс искусство стратегии получило в годы II мировой войны, когда организация крупных операций, политика и логистика реализовывались с учетом сложностей и масштаба глобального контекста со множеством переменных, обнаруживая неизвестные ранее закономерности и обретая новые методы действий. В послевоенный период этот опыт развернутых в пространстве-времени боевых и тыловых операций конвертируется в знание, используемое в гражданской сфере, стимулируя разработку больших и долгосрочных проектов (т.е. продуктов стратегического планирования).

Данный вид проектирования осуществлялся преимущественно на основе системного анализа, а из центров подобного рода известность получила связанная с военным ведомством корпорация РЭНД.

Характеристики системы нельзя полноценно уяснить и эффективно освоить, исследуя лишь структуру частей, вне контекста, без учета динамики ситуации. В 70-е годы заметным явлением в области социального прогнозирования становятся доклады Римскому клубу. Заявленный в них подход – активное представление будущего (Эрих Янч) [31], базировался на трех принципах, сформулированных отцом-основателем клуба Аурелио Печчеи: глобальность, долгосрочность, трансдисциплинарность (холизм).⁴ В качестве исследовательского инструментария применялась методология системной (индустриальной, мировой) динамики, разработанная Джейм Форрестером [27].

В конце века формируются и развиваются методы социального проектирования и прогнозирования на основе концептов матричного анализа, рефлексивного, точечного и роевого управления, синергетики, синектики и синектрии и т.д. Складывается методология анализа сложных систем и проведения комплексных операций, замещающая принцип глобальности – фрактальным масштабированием, долгосрочность – нелинейной динамикой, а трансдисциплинарные обобщения – эволюционной уникальностью. В условиях неопределенности и турбулентности управление событиями реализуется посредством соответствующих аттракторов, а возникающие проблемы становятся своеобразными реперными точками – опорами для восприятия и понимания иначе организованного ландшафта. Наибольшую известность из интеллектуальных центров, занимающихся проблемой сложности и динамикой высокоадаптивных систем, получил Институт Санта Фе (Нью-Мексико), основанный группой ученых преимущественно из Лос-Аламосской лаборатории.

Мир *ad hoc* предстает скорее драматичным, нежели привычным, события приобретают все более комплексный характер, следствия актуализируют причины, человек мыслит природу реальности парадоксами, эксплуатируя «привилегию абсурдов» (Томас Гоббс) [15, 72] и адаптируя результаты логикой. Упрощение сложного дискурса может существенно менять транслируемый смысл. Многофакторные процессы опознаются и декодируются при помощи концептов динамического хаоса, самоподдерживающегося развития, самоорганизованной критичности (Пер Бак) [1], иницируя «новый диалог человека с природой» (Илья Пригожин) [23] с использованием негативной диалектики (Теодор Адорно) [11], фрактальной картографии (Бенуа Мандельброт) [18], деконструкции бинарных суждений (Жак Деррида) [16], двусмысленной экспериментальной философии (Джошуа Ноб) [5], релевантности и прагматизма модельно-зависимого реализма (Стивен Хокинг) [30] как более адекватного инструментария для ориентации сложного человека в сложном мире, прохождения исторической чересполосицы, антропологического перераспределения и освоения «невыносимой сложности бытия». Намечается коррекция «режима истины» (Мишель Фуко) [28], обретаются новая исследовательская позиция и перспектива, допускающие присутствие метафизических смыслов, художественных и мультикультурных языков в легитимном дискурсивном пространстве. Возникает иная внятность, другой тип интеллектуальной организации с заметной примесью личностного знания (Майкл Полани) [22], меняющий координаты восприятия и осмысления мира. Знание из философичного становится экзистенциальным, постижение оказывается неотделимо от

⁴ Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. Сост.: Д.М. Гвишиани, А.И. Колчин, Е.В. Нетесова, А.А. Сейтов. М.: УРСС. 1997. С. 36-37.

применения при осознании взаимосвязанности явлений. Мы учимся не для того, чтобы помнить и знать, но чтобы понимать и действовать.

Будущее определяется пропорцией настоящего в текущем, интерференцией набегающих фрактальных волн – сполохами и ритмами идеальных конфигураций. Постсовременные операторы композиционно не объединены, но функционально срежиссированны: они кумулятивно продуцируют среду, в которой стратегические преимущества переходят к структурам и системам, способным эффективно действовать в ситуациях мобильности, открытости и неопределенности. Акторы нового века – не институты и учреждения в привычном понимании, но распределенные по планете успешно капитализированные пространства действия: средоточия коммуникационно-связных и универсально координируемых разноформатных объектов, акций, целей. Все это – многослойная перестройка универсума и перенастройка человеческой природы: познание преобразует и окрыляет (*knowledge is power in itself*), а характер субъекта предопределяет регистр ситуации. Трансформируются модели поведения и структуры лояльности, понимание суверенитета и базовых активов, соотношение уникального и конвенционального, вероятного и тривиального, меняются баланс обретений и утрат, объем возможностей и сумма рисков.

Правила изменились. Это симптомы мира, где контракт – понятие относительное, нет цивилизационного суда и плодятся слабо-формализованные, лишь косвенно соединенные с национальными доменами персонажи. Мы находимся в процессе освоения новых территорий и усвоения закономерностей перманентно динамичной организации, опознания перспективных моделей поведения в подвижном универсуме разрушений и реконструкций антропологических и социальных конфедераций. Интеллектуально глобальная трансформация завораживает, однако на практике, насыщаясь культурной инверсией, нравственными и прочими несовершенствами, она грозит скатыванием в «белый шум» и деструктивный хаос. В информационном и творческом водовороте возникает множество головоломок: от определения функциональных прописей до представления генеральной модели новых правил игры. Дело не только в экономическом или военно-промышленном состязании, отраженном в переговорном процессе национальных государств, – по большому счету это конструкты уходящей эпохи.

Государство и Власть

Во времена перемен приходится вести речь об основаниях, чтобы, различая тривиальное, иное и случайное, представлять смысл исторического перекрестка, экзистенциальную проблему и магистральное направление событий.

Сложный и динамичный характер постсовременной среды, порождающей траектории универсальной персонализации, режимы самоорганизованной критичности (SOC) и высокоадаптивные системы, способные к самоподдерживающемуся развитию (*sustainable development*), – результат эволюции социальных укладов: прохождения цивилизацией определенного маршрута. Генезис современного общества был транзитом от сословного к гражданскому статусу. Иначе говоря, продвижением от моноцентричных иерархий: персонификации источника власти в виде сюзерена-монарха или феодала, к воплощению иного, промысленного к тому времени идеала – пришествию нации как суверенного (самовластного) сообщества, процессом культивации гражданина и утверждения нового строя.

Реализация замысла влекла переустройство политических институтов – реорганизацию режима производства власти, формируя конкурентную среду сдержек-противовесов и гибких общественных связей. Складывалась система «перманентного плебисцита» (Эрнест Ренан) [24] и представительной демократии: «гражданское политическое сообщество для установления более совершенного порядка» (Мэйфлауэрское соглашение)⁵. Инициировалось восстановление человека, реставрация его естественного достоинства – извлечение личности из тяглого «трудового ресурса». Подданные переставали быть податными объектами и становились гражданами, определявшими формат и содержание органов управления суверенной властью нации.

Законодательная ветвь власти – *депутаты* (от лат. «посланный», «заместитель»), являлись представителями народа, т.е. проводниками соборной воли, артикулирующими ее и принимающими от лица нации законы, устанавливая правопорядок и ранжируя действия исполнителей, определяя также объем необходимых для эффективного управления средств, способы обретения и распределение оных. Исполнительная ветвь – *министры* (от лат. *minister* – «малой», «служитель») утрачивали подчиненность прежнему полновластному суверену, став «слугами народа». Президент, если таковой наличествует в системе (как эрзац от монархии, здесь же своего рода *мажордом*, т.е. управляющий), проходит обряд *инаугурации*, то есть принесения *вассальной присяги* своему сюзерену – народу. А за соблюдением клятв и процедур наблюдает судебная система, руководствуясь особым камертоном: суммой основополагающих принципов – *конституцией*. В случае же «если какая-либо форма правительства становится губительной <...>, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье» (Декларация независимости США).

Народ как властитель обладает правом на выражение своей воли словом и действием (свобода слова, печати, манифестаций, выборов), органы же делегированной власти (служители и представители властителя-народа) подконтрольны и обязаны информировать общество, отчитываясь в намерениях и деяниях (публичность политики, прозрачность документооборота, доступность информации). Закон не должен ущемлять право, а попытки узурпировать власть, то есть отлучить народ от нее тем или иным образом («мятеж правителей»), являются покушением на его статус сюзерена-суверена («величества»), представляя особый вид преступления – государственную измену.

Национальное государство – концепция, имеющая корни в европейской, христианской культуре, становясь же универсальной нормой, она воспроизводится скорописью, с той или иной мерой поспешности и успешности в других культурных ареалах. Столкновение асимметричных миров транслирует напряжения в историческую драматургию. XX век был периодом обширной реконструкции человеческой вселенной. Кризис и деконструкция имперских структур, сначала континентальных, затем морских, сформировали на обломках пестрое сообщество многочисленных суверенов. Параллельно с продвижением части национальных государств к идеологическому и авторитарному этатизму, происходил демонтаж сословных перегородок. Демократизация, либерализация сопровождалась универсальной эмансипацией, десегрегацией, деколонизацией и культурно-демографической экспансией пост-колониального мира. Происходящее сейчас – следующий акт исторической драмы.

⁵ Mayflower compact. URL: <https://www.mayflowercompact.org/>

«Смертный бог» (Томас Гоббс) [15] ощутил пределы своей актуальности, фрустрирован и умирает, современный мир рассыпается на суверенные молекулы и венчурные композиции. Трансформация порядка вещей – производное от ферментов перемен: универсальности трансграничных коммуникаций и умножения генетических цепочек будущего – вирулентных модификаций настоящего, отрицающих прошлое (*new values chains*). Деконструкция отворяет и раздвигает социальный горизонт: система международных отношений расширяет фактическую номенклатуру, преображаясь – с той или иной мерой реализации – в совокупность гибких, быстрых и разнородных мировых связей.

Наряду с национальной государственностью в многоликом постсовременном космосе обретаются и состязаются иные форматы властной организации: мировые регулирующие органы, страны-системы, асимметричные союзы и конфедерации, полимерные содружества, субсидиарные управления и сепаратистские образования, государства-корпорации и корпорации-государства, политический конденсат идеологически/конфессионально мотивированных государств-организаций с размытыми и динамичными границами, глобальные племена и социальные сети, не имеющие границ. Мегаполисы, кланы, ведомства, олигархи, амбициозные люди-предприятия (*manterprisers*) соучаствуют в диверсификации практики как автономные субъекты и аутсорсинговые агенты. Все они по-своему трансформируют национальный и профанируют гражданский суверенитет.

Определяющим критерием эволюционного продвижения являются, однако, не эффекты и аффекты международных взаимодействий, но саморазвитие конкурирующих организмов: растущий положительный баланс обретенных умений и неизжитых обременений. Потенциал и результативность сообществ существенно разнятся в зависимости от геокультуры, типа организации, избранной стратегии и антропологических преимуществ. В новой среде приходится мыслить мир в динамике, руководствоваться не фактами, а тенденциями, приучаться понимать под актуальностью не то, что здесь и сейчас, но что на полшага впереди, избегая упоения скоротечным и соблазна управления прошлым.

Грядущее – кризис неясности, исход из прежних констант, экспликация «суммы предысторий» (Ричард Фейман) и столкновение с иным («скрытая угроза»). Самоопределение в обстоятельствах и самопреодоление во времени обретаются в постижениях и достижениях, пренебрегая воспроизводством конъюнктурных состояний и примелькавшихся личин. Не будучи настоящим, прошлое – двусмысленно, его штольни способны поглощать и разрушать сознание. Пиноккио, который в отличие от Буратино не приобрел сказочное театральное имущество, но совершил подвиг преображения из куклы в человека, говорил: «Прошлое прошло, и лучше оставить его в покое».

Рождение нации

В России власть мыслится посредством государства, но образуя специфическую комбинацию коллективного творчества: центробежную *диффузию власти без протокола* – парадоксальную версию *gouvernementalité* (Мишель Фуко) [2, 87–104], что подтверждает значение геокультуры.

Являясь большим континентальным пространством, Россия во всех своих метаморфозах: Российской империи, СССР, РФ не смогла подвергнуть деконструкции монополию авторитарной либо олигархической потестарности, обладающей

собственным понятийно-правовым аппаратом, и воплотить в политической системе совокупность принципов современного государства⁶, даже когда пыталась их декларировать – социокультурная рецессия обращала время вспять. Ситуация усугубляется фактической пролонгацией квази-имперского статуса, отягощенного централизованным, тяготеющим к унификации управлением обширными пространствами и разнородными культурами.

В меняющихся обстоятельствах накопленные ресурсы могут оказаться обузой, а действия превращаться в свою противоположность. Для лоскутного Левиафана обилие разнородных территорий обернулось проблемами при очередной трансформации мира – продвижении к постсовременному укладу. Подобный организм, даже будучи отчасти модифицирован, испытывает затруднения, постигая подвижные прописи нового зона. Историей засвидетельствованы различные пути и способы разрешения затруднительных обстоятельств, связанных с негативными аспектами пространственного развития: форсированный генезис Австрии, Турции, непростой опыт Германии, деимпериализация Испании, Португалии, Франции. Примеры же эффективного освоения будущего с удержанием политических множеств в объединяющей рамке – федерализация выстраивавшихся с «чистого листа» Соединенных Штатов или конструирование на основе исторического наследия пестрого Содружества Наций: проекты, сумевшие достичь в различных форматах сопряжение многочисленных (более 50) субъектов. Сложнее обстоят дела с идеей «Соединенных Штатов Европы» и становлением масштабной реальности Европейского Союза.

У проблемы реорганизации политического тела РФ собственная специфика. И дело не только в качествах политкласса или других активно обсуждаемых реалиях. Государство – аппаратное овеществление политических и когнитивных практик, продукт декогеренции энергии власти, синтезирующая проекция и субъективация. Всевластие российского государственного аппарата, разрушающее достоинство личности, подавляющее самодеятельность общества и самоорганизацию регионов, коренится и резонирует в социальной ментальности, его определяющей: люди в своей массе не осознают себя в качестве «властного субъекта», страну же воспринимают как «управленческую конструкцию на определенной территории», а не как «суверенное политическое сообщество».

Россия в сознании россиян – это именно *государство (господарство)*, что фиксирует объектность людей, их подданство аппарату, а не гражданство, т.е. субъектность. Источник власти понимается не как совокупность граждан, выбирающих и утверждающих направление и характер действий из конкурирующих программ, но как имманентная «властная вертикаль», причем с опрокинутым от декларированного вектором делегирования полномочий. Иначе говоря, если в современных странах *government* мыслится как подотчетные людям органы управления вверенной им властью (*ветви*), формируемые источником власти – народом (*ствол*), то в России они артикулируются как сама «власть». И даже претендуют в законотворческих усилиях и судебных разбирательствах на статус самостоятельной социальной группы. Другими словами, демонстрируют регресс к сословному обществу. Отсюда, кстати, вопрошающий формат «претензий к власти» (отказ от позиции самоуправления). Примерно так же обстоят дела с заявленным, но не реализованным федерализмом.

⁶ «Статья 3. 1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Конституция Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

Историческая альтернатива – влиятельное суверенное общество (нация), генерируемое городской культурой: «единство непохожих» (Аристотель), осознающее себя сообществом – социальной и политической мультикорпорацией с собственным видением судьбы и ценностным канонem. Основа самостоятельного национального консенсуса – распределенное множество структур, производящих параллельно существующим конструкциям иную реальность, соединив автономию от коррумпированных «провластных» форматов с осмысленной экспансией, утверждая позитивную повестку, прививая людям осознание их прав, самоуважение, навыки свободной творческой и гражданской регуляции. Цель – создание среды благоприятной для совместной деятельности, развития личности и коэволюции. Данная коллизия предъявляет миру моральное и конкурентное противостояние – «мужественное сопротивление злу» (Мартин Лютер Кинг) [4], очерчивая этические рубежи в индивидуальных взаимоотношениях и шлифуя политическую грань в коллективных взаимодействиях.⁷

Плацдармы пробуждающейся нации – сообщества индивидов, отрицающих заповеди ветхой *территории ку-кормления*, готовых отстаивать, отстаивать, утверждать суверенитет *пространства личной и национальной самореализации*. Эта устремленность к перемене участи, нравственное противостояние – дух социальной эволюции и знак присутствия истории в повседневности. Гражданская позиция, культурный капитал, человеческие качества – закваска, определяющая витальность процесса и горизонт успеха. Фрагментация социума, транзитная разногласия исключают конструктивизм партийности, равно как прежние стандарты идеологической унификации, однако публичные проекты синтезируют ситуационную мозаику, образуя конъюнктурные сопряжения (*salads*) партнеров/симпатизантов с несовпадающими установками и целеполаганием. В наступившем веке комплексные ассоциации, судя по всему, становятся перспективным форматом слагаемых политий.

Подобная социальная агломерация, истощаемая внешним и внутренним миграционным исходом, пребывает в России в затянувшихся родовых муках с неопределенным прогнозом. Новодел же сословного «господарства» при отсутствии у народа интенции самоуправления и потенции самоуважения теряет нужду в имитациях и декорациях, расплываясь, уплотняясь в особую «дикую сословность»: синтез чиновничьего–олигархического–криминального произвола, пронизывающего «государство без справедливости» (Аврелий Августин) [10] сверху донизу. Инволюция социосистемы замещает национальную самоорганизацию режимом подавления, ведущего к цивилизационной депривации и неоархаизации. «Мерзкая мощь» (Клайв С. Льюис) [6] навязывает, продвигает, закрепляет посредством захваченных средств и покоренных душ эрзац-культурную, «овеществленную и омертвленную» идентичность, стремясь «истребить или сделать себе подобными» иное и глубокое (Дмитрий Мережковский) [19], – это морок черни, отринувшей тяготы эволюционного процесса, компенсируя специфическую немощь слиянием с мощью государственной машины.

Оказавшись под ударом, эволюция претерпевает сбой, обнаруживая симптомы антропологической катастрофы. Нравственные уроды в продуцируемой среде клонируют

⁷ Интересен в социальных и типологических аспектах опыт Подпольного Польского государства – «Делегатуры правительства на Родине», эффективно действовавшего в годы нацистской оккупации [8]. Черты феномена проявились впоследствии при формировании «параллельного общества» в ПНР, а также повлияли на методы движения «Солидарность». Присутствуют они и в «оранжевой», «потешной» феноменологии Вроцлава (связанной с голландским контркультурным опытом), в свою очередь стилистически повлиявшей на «оранжевую революцию» в Украине.

аморальных репликантов, карлики уничтожают и поглощают гигантов, общество же, лишенное иммунитета, травмировано, угнетено, пассивно – происходит развоплощение и ремифологизация обретенных ранее смыслов, разложение социальности.

Нация не может полноценно реализоваться и воплощать идеалы, будучи десубъективизирована и лишена достоинства. А поскольку активы и преимущества коренятся не в масштабах территории или численности госаппарата и силовых ведомств, но в качествах «стражей города» и самодеятельности народа, порождающих творческие конструкторы и значимые перспективы, Россия все чаще оказывается «вне игры», проявляя черты незавершенного, уходящего в прошлое общества. Обнаруживая себя, в результате, в группе проблемных стран и находя в этой же среде своих союзников.

Семантическая коррупция

Еще один дополняющий картину сюжет. Язык определяет архитектуру мышления, настраивает механизмы восприятия, параметры поведения, отражает и формирует психику, обуславливая на подсознательном уровне, что есть «правильно-неправильно», «хорошо-плохо».

Анализ российской политической лексики показывает определенный дефицит категорий, затрудняющий адекватное представление ситуаций. Скудость вокабуляра предполагает профессиональные деформации, скованность политологического дискурса – своеобразную семантическую немоту. Так для обозначения суверенного сообщества в русском языке используются термины: *государство/держава* (о чем шла речь выше) и *страна*, практическими (неполными) аналогами которых являются *kingdom/government* и *country*. Но фактически невозможен корректный перевод таких основополагающих современных категорий, как *state* или *nation*. Первое превратилось в невнятные «штаты» либо заместилось «государством», а второе слипается с этносом, создавая смысловые ребусы и практические коллизии. Само понятие «национальное государство» оказывается едва ли применимо в России, житейское подтверждение чему – ответы россиян на вопрос о национальности (в бланках при пересечении некоторых границ), которые порой ставят пограничников в тупик.

Дело в том, что *state, état* – обозначает суверенное политическое образование как совокупность индивидов политики, имея исток в таких реалиях, как, например, «третье сословие» (*tiers état*), «Генеральные штаты» (*États Généraux*) – отсюда «Соединенные Штаты» (*United States*, точнее от нидерландского *Staten-Generaal*). Или как более внятное нам – «штат сотрудников». А капитализируется оно в том самом, невнятном для россиян понятии «нация» – *nation* (отсюда не Организация Объединенных Государств, а Организация Объединенных Наций), возвращая к понятию *res publica* как «общее дело, состояние, содружество» (*commonwealth, ting, вече*). Свободная гражданская ассоциация и культурная консолидация замещают принудительное подданство аппарату. Иначе говоря, родина – не земля, а семья, суверенная страна – не система управления, режим или территория, а нация, со-организованный народ, люди.

Спутанность политологических категорий, небрежный стиль профессионального рассуждения, привычка мыслить мир прошлым, упрощать смысловое и сжимать правовое поле, сужая диапазон альтернатив, – все это характеристики российской социальной ментальности, представляя ее *stumbling-block*. Из этого же состояния проистекает ограниченный, «технический» модус соцогуманитарных дисциплин, предопределяя второсортность управленческого инструментария, стратегическую

пустоту обесточенного, лишённого сложной рефлексии пространства, отсутствие внятной панорамы и дорожной карты. Процесс перемен между тем ускоряется, значение нематериальных активов, разнообразия, отлаженности социальных связей, роль людей, причастных высокому образованию и морали, возрастают. Как следствие – сильнее проявляется социокультурная гравитация одних ареалов и токсичность других, формируя миграционные потоки и преобразуя картографию человеческой вселенной.

Мир изменился. Человечность, искушаемая калейдоскопом возможностей, состязается с гнетом обстоятельств и притяжением утопий, приближаясь к точке выбора – фрактальному излому нисхождений и восхождений в динамичных пространствах полифоничного строя. Складываются гибкие антропологические кластеры, создаются изощренные социальные конструкции, понимание характера и перспектив которых – предмет углубленного анализа, рафинированного диагноза, беспристрастного прогноза. Усложнение объектов и разнообразие субъектов сопряжены с императивом управления адекватного ритмам времени – акценты смещаются с централизованного контроля на высокоадаптивную самоорганизацию. Композиция персонализированных сообществ дискредитирует и маргинализирует прежнюю норму, рождая химеры и пробуждая вихри сопротивления. Сумма всех этих факторов определяет турбулентность транзита [20, 149-164].

Поезд истории меняет колею и отходит от промежуточного вокзала. Речь, фактически, идет о пересечении границы прежнего зона: постсовременном барьере, преодоление которого невозможно для ригидных, упрощенных и синкретичных структур, генерирующих эсхатологизм. Как результат, неизбежно – рано или поздно начинающаяся в их недрах авральная перестройка рискует обернуться политической какофонией и завершиться катастрофой.

А.И. Неклесса. Живой огонь. Глобальная трансформация и социальная ментальность.

Аннотация: Расширенная версия доклада, подготовленного для XXIX Экономического Форума (3-5.09.2019, Крыница-Здруй, Польша). В докладе анализируются некоторые методологические и прогностические аспекты цивилизационного транзита, актуальные тенденции глобальной трансформации, эволюция механизмов производства власти, динамика институтов знания, а также значение теории сложных систем для анализа текущей российской и международной проблематики.

Ключевые слова: эволюция, цивилизация, глобальная трансформация, постсовременность, история, методология, прогнозирование, сложность, стратегическое планирование, управление, нация, Россия.

A.I. Neklessa. Alive Fire. Global Transformation & Social Mentality.

NEKLESSA Alexander Ivanovich – Chair of the Commission on Socio-Cultural Issues of Globalization, Member of the Bureau of the Academic Council “History of the World Culture” at the Presidium of the Russian Academy of Sciences. Head of the “North-South” Group at the Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies RAS.

Abstracts: Report for the XXIX Economic Forum (3-5.09.2019, Krynica-Zdrój, Poland). The current trends of the global transformation process, dynamics of knowledge institutions and role of theory of complex systems in social sciences are the main topics in this report. The present state of the international relations system, changes in the structure of political organization and perspective methodologies of strategic planning have been briefly analyzed. The advantages and disadvantages of some new political subjects that affect a successful passage of the postmodern barrier have been evaluated as well.

Keywords: evolution, civilization, global transformation, post-modernity, history, methodology, forecasting, complexity, strategic planning, governance, nation, Russia.

Литература / References

1. Bak P. 1996. How Nature Works: The Science of Self-Organized Criticality. N.Y.: Copernicus Press. 212 p.
2. Foucault M. 1991. Governmentality. – *The Foucault Effect. Studies in Governmentality*. G. Burchell, C. Gordon, P. Miller (eds). Chicago. University of Chicago Press, 318 p.
3. Grant E. 2006. Science and Religion, 400 BC to AD 1550: from Aristotle to Copernicus. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 328 p.
4. King M.L. 1958. Stride Toward Freedom: The Montgomery Story. N.Y.: Harper & Row. 230 p.
5. Knobe J., Nichols S. (eds.). 2008. Experimental Philosophy. Oxford: Oxford University Press. 242 p.
6. Lewis C.S. 2015. That Hideous Strength. Quebec: Samizdat. 362 p.
7. Metz J.B. 1998. A Passion for God: The Mystical-Political Dimension of Christianity. Paulist Press. 212 p.
8. Salmonowicz S., Ney-Krwawicz M., Górski G., Ślaski J.. 1999. Polish Underground State. ŚZZAK, 239 p.
9. Sölle D. 1995. Theology for Skeptics: Reflections on God. Augsburg Fortress Publishing. 126 p.
10. Августин А. О граде Божием. <https://bible.by/lib/book/augustine/city-of-god-4/04/>
11. Адорно Т. 2003. Негативная диалектика. М.: Научный мир. 374 с.
12. Антропов В.В. 2005. Этика и религия в «Безрелигиозном христианстве» Дитриха Бонхёффера. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. № 6. С. 58-124.
13. Бонхёффер Д. 1994. Сопротивление и покорность М.: Прогресс, 344 с.
14. Вебер М. 1990. Протестантская этика и дух капитализма. – *Избранные произведения*. М., Прогресс. С. 44–271.
15. Гоббс Т. 2017. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: РИПОЛ классик. 608 с.
16. Деррида Ж. 2000. О грамматологии. М.: Ad Marginem. 512 с.
17. Кокс Х. 1995. Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М.: «Восточная литература» РАН. 263 с.
18. Мандельброт Б. 2002. Фрактальная геометрия природы. М.: Институт компьютерных исследований. 656 с.
19. Мережковский Д.С. 1944. Большевизм и человечество. *Парижский вестник* № 81. 8.01.
20. Неклесса А.И. 2019. Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 149-164. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.11>
21. Неклесса А.И. Культура смерти. Азия и Африка сегодня. 2006. № 2. С. 3-11.
22. Полани М. 1985. Личностное знание: На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 344 с.
23. Пригожин И. 2000. Конец определённости. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика». 208 с.
24. Ренан Э. 1882. Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11-го марта 1882 г. http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php
25. Рикёр П. 2002. История и истина. СПб: Алетейя, 400 с.
26. Сартр Ж.П. 2000. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика. 639 с.
27. Форрестер Д. 2003. Мировая динамика. М.: АСТ. 384 с.
28. Фромм Э. Библейская концепция человека. URL: <https://unotices.com/book.php?id=85772>
29. Фуко М. 1994. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб: А-сэд. 408 с.
30. Хокинг С., Пенроуз Р., Шимони А., Картрайт Н. 2008. Большое, малое и человеческий разум. СПб: «Амфора». 192 с.
31. Янч Э. 1974. Прогнозирование научно-технического прогресса. М: Прогресс. 592 с.

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ
УЧАСТИЕМ

«IX ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНВЕНТ»

28 октября - 1 ноября 2019 г., Ростов-на-Дону

БОРЬБА ЗА БУДУЩЕЕ

Методологические и прогностические аспекты цивилизационной конкуренции

Уважаемые коллеги, рассуждения в сфере дисциплинарного знания связаны с актуальным «режимом истины» (Мишель Фуко) и ограничены «окном Овертона»: это рамки, в которых принято вести научную дискуссию. Однако при резком усложнении обсуждаемого предмета и существенном росте неопределенности возникают проблемы с привычным стилем, предполагая усиление поисковой активности и разнообразие творческой (ср. capabilities-based strategy ⁸). Давид Бен Гурион,

реализовавший национальный проект в сложной и неопределенной исторической ситуации, писал: «Сегодняшний день не похож на вчерашний – вот главное, что надо понять <...> Во всякий миг в мире происходит что-то новое. Все находится в состоянии движения, panta rei <...>. Ни в природе, ни в истории, ни в материальном мире, ни в мире духовном, в обществе и государстве ничто не стоит на месте. Рутинa – первый враг государственного деятеля. Надо объявить войну рутине, устарелым шаблонам действия и мысли».

Цивилизация как процесс

Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние.

Карл Маркс

Сначала взглянем на традиционные расклады. ⁹ История – это перманентная динамика, взаимодействие и развитие версий общежития, реализуемое в различных форматах практики: созидании, партнерстве, конкуренции, борьбе. Привычная формула осмысления исторического процесса: *Античность – Средневековье – Современность*; нынешняя же ситуация цивилизационного транзита определяется как *Пост-современность*. Схема фиксирует системные изменения в организации общества, принимая за точку отсчета Современность («античность» – *antiquitas*, древность, т.е., «что было прежде»), не раскрывая, однако, в названиях эпох их специфические черты.

⁸ Стратегия, ориентированная не только на существующие угрозы, но также на создание по возможности сил и средств, обеспечивающих решение непредвиденных задач.

⁹ Исследованием данного вопроса занимался Люсьен Февр (Lucien Febvre). Результаты опубликованы в работе «Цивилизация: эволюция слова и группы идей» (Civilisation. Évolution d'un mot et d'un groupe d'idées, Paris, Renaissance du livre, 1930, 56 p.). См. также Рашковский Е, Хорос В. 2001. Мировые цивилизации и современность (к методологии анализа). Мировая экономика и международные отношения. № 12. С.33-41.

Классическая триада исторического конструкта *архаика – варварство – цивилизация* более определённа в этом смысле. Но если начальные ее позиции интуитивно вняты, то с последней дело обстоит сложнее. Категория «цивилизация» сравнительно недавнего происхождения, хотя начинается складываться в XVI-XVIII вв. Слово отсылает к феномену городской культуры (*civilis* – городской, гражданский *versus* деревенский, грубый – *rusticus*), и вначале обозначало юридическую процедуру: перевод дел из уголовного производства в гражданское. Затем термин вводится в оборот маркизом Виктором Мирабо в ином смысле (1756), акцентируя коннотацию смягчения нравов, гуманизации и цивилизации (от *civilisé, civiliser*) общества, преодолевающего дикость и варварство прежних эпох. Сопутствующие понятия – цивилизность, политес, образованность, просвещение. Чуть позже, миссия цивилизации определяется им как приращение в общество «основ и формы добродетели» (1768).¹⁰

Видимо, для подобного определения тогда пришло время. Схожую трактовку развития общества и поступательного продвижения «от дикости к цивилизации», формулирует шотландец Адам Фергюсон: «Путь от младенчества к зрелости, – пишет он, – проделывает не только каждый отдельный индивид, но и сам род человеческий, движущийся от дикости к цивилизации» (1767).¹¹ Термин «цивилизация» с подобной смысловой нагрузкой использует в те же годы Николай Буланже, хотя, возможно, это было поздней интервенцией Поля Гольбаха, редактировавшего текст.¹² Словарь французской Академии закрепляет данный смысл категории «цивилизация» в 1798 году.

В XIX веке складывается, однако, альтернативная версия: цивилизация трактуется как «культурно-исторический тип», «высокая культура», «культурный круг», «субэкумена». Под «цивилизацией» понимается тут исторический организм, представляющий целостную культурную систему, рассматриваемую подчас в романтическом ключе (Пьер Балланш¹³). Схожие трактовки развиваются востоковедами (Эжен Бюрнуф, Христиан Лассен¹⁴) и географами (знаменитый Александр Гумбольдт пишет о «цивилизации ацтеков»¹⁵). Шарль Ренувье¹⁶ вводит понятие «локальных цивилизаций», подразделяемых в зависимости от уровня культуры на первичные, вторичные и третичные, т.е., в сущности, воспроизводя логику триады Фергюсона.

¹⁰ «Религия, бесспорно, наилучшая и наиболее полезная узда человечества, это главная пружина цивилизации». Виктор Мирабо. Друг людей, или Трактат о населении (Victor Riqueti, marquis de Mirabeau *L'Ami des hommes, ou Traité de la Population*, Hambourg: Chretien Hérold, 1756 – 1762), «Если бы я спросил у большинства, в чем, по их мнению, состоит цивилизация, то мне ответили бы: цивилизация есть смягчение нравов, учтивость, вежливость и знания, распространяемые для того, чтобы соблюдались правила приличий и чтобы эти правила играли роль законов общежития. Все это является лишь маской добродетели, а не ее лицо, и цивилизация ничего не совершает для общества, если она не дает ему основы и формы добродетели». Он же. Друг женщин или Трактат о цивилизации (*L'ami des femmes, ou Traité de la civilisation* 1768 (оставался в рукописи).

¹¹ Адам Фергюсон. История гражданского общества (Ferguson A. *An Essay on the History of Civil Society*. 1766).

¹² «Когда дикий народ становится цивилизованным, ни в коем случае не следует считать акт цивилизаций законченным после того, как народу даны четкие и непререкаемые законы: нужно, чтобы он относился к данному ему законодательству как к продолжающейся цивилизации». Никола Антуан Буланже. Античность, освобожденная от покровов, в своих обычаях. (Boulanger N.A. *L'Antiquité dévoilée par ses usages*. 1766).

¹³ Пьер Симон Балланш. «Старик и юноша» (Ballanche P.S. *Le vieillard et le jeune homme*. 1819).

¹⁴ Эжен Бюрнуф, Христиан Лассен. «Очерк о пали» (Burnouf E., Lassen Ch. *Essai sur le Pali*. 1826).

¹⁵ Александр Гумбольдт «Космос: план описания физического мира» (Humboldt A. *Kosmos: Entwurf einer physischen Weltbeschreibung*, 1845 – 1857).

¹⁶ Шарль Ренувье. Учебник древней философии (Renouvier Ch. B. *Manuel de philosophie ancienne*. 1844).

Питирим Сорокин так охарактеризовал суть культурно-исторической интерпретации: «Эти образования представляют собой реальные причинно-смысловые целостности, отличные от культурных скоплений, малых культурных систем, а также от государства, нации, политических, религиозных, расовых, этнических и других социальных систем и групп». ¹⁷ Со временем возникают более сложные системы: Жозеф Гобино насчитывает десять цивилизаций. ¹⁸ Генрих Рюккерт рассматривает локальные цивилизации как параллельные процессы, но с европейской доминантой в историческом концерте. ¹⁹

Культурно-цивилизационный подход утверждается в историографии XX века и академическом мире под определенным влиянием трудов Николая Данилевского ²⁰, Освальда Шпенглера ²¹, Арнольда Тойнби ²², насчитавшего уже 21 цивилизацию. Данный подход, однако, в силу расплывчатости, эклектичности и противоречивости обоснований подвергался и подвергается серьезной критике. Тот же Питирим Сорокин пишет: «Самая серьезная ошибка этих теорий состоит в смешении культурных систем с социальными системами (группами), в том, что название „цивилизация“ дается существенно различным социальным группам и их общим культурам – то этническим, то религиозным, то государственным, то территориальным, то различным многофакторным группам, а то даже конгломерату различных обществ с присущими им совокупными культурами». ²³

Модель истории, таким образом, имеет два взаимодополняющих диалоговых измерения: синхронное – сопряжение субэкумен как оригинальных *состояний*, т.е. культурно-исторических типов; и диахронную магистраль – поступательное движение человеческого общества, т.е. цивилизация как *процесс*. Цивилизационная конкуренция – это эволюционная борьба за будущее, продуцирующая необходимость локальным цивилизациям, исследовать свое идеальное состояние (замысел), изыскивая преимущества, закодированные в ментальном/культурном своеобразии, чтобы подтвердить внутреннюю силу, устойчивость, перспективность. Созидание будущего при этом реализуется не в горизонтальных конфликтах между культур-системами, а в способности перенаправлять усилия внутрь – к отторжению хаоса, трансценденции ветхих композиций, преодолению изъянов социо-культурного круга и достижению более высокого уровня организации. Синкретичная природа вытесняется линейно-векторными регламентами, поглощаемыми затем динамикой сложного бытия. Общее же движение социокосмоса проявляется как синергичная вязь вбираемых руслом истории замыслов и реализаций, притоков и протоков, демонстрируя извилистые комбинации соперничества и коэволюции.

¹⁷ Сорокин П. О концепциях основоположников цивилизационных теорий. Сравнительное изучение цивилизаций (Sorokin P. Sociological Theories of Today. N.Y.; L., 1966. P. 177-204). Цит. по: Ерасов Б.С. 1998. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект пресс. С. 39.

¹⁸ Жозеф Артю де Гобино. Эссе о неравенстве человеческих рас (Gobineau J.A.. Essai sur l'inégalité des races humaines», 1853-1855).

¹⁹ Генрих Рюккерт. Учебника мировой истории в органическом изложении (Rükkert H. Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung», 1857).

²⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа, 1895.

²¹ Освальд Шпенглер. Закат Европы (Oswald Spengler. Der Untergang des Abendlandes. 1918,1922).

²² Арнольд Тойнби. Постигание истории (Toynbee A.J. A Study of History. 1934-61).

²³ Сорокин П. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика. Цит. по: Ерасов Б.С. 1998. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов. С. 51; Иммануил Валлерстайн характеризует цивилизационный подход как «идеологию слабых», форму протеста ущемленного этнического национализма. См. И. Н. Ионов. 2001. Рождение теории локальных цивилизаций и смена научных парадигм. Образы историографии: Сб. М.: РГГУ. С. 59-84. Социальная же эволюция – замещение синкретической сложности динамической.

Достояние нового века – инициативы, формулируемые и воплощаемые поколением, прошедшим сквозь горнило индивидуации: наследников, но не пленников различных культур и народов, способных по-своему реализовать деконструкцию современного строя как постсовременный цивилизационный проект и порыв.

Эволюция истории

Современная миросистема как система вступила в последнюю фазу исторического кризиса и вряд ли будет существовать через 50 лет.

Иммануил Валлерстайн

Будущее – несуществующая, однако перманентно подтверждаемая субстанция, третье состояние мира. История телеологична, являясь эволюционным процессом с фазовыми переходами, преходящими состояниями, синкопами и рекуррентностями. Социальное время отлично от физического, его специфика – новизна как инакость, продуцирующая приливы и отливы беспокойных вод истории. Развитие общества предполагает повороты в дорожной карте цивилизации, проникновение в другое, обретение неизвестного, возможность преадаптации или обострения как существующих, так и возникающих противоречий. Сейчас человеческое общество, судя по всему, переживает вселенский транзит – цивилизационный переворот, проходя своего рода *rite of passage*. Ключевое слово для понимания сути нового эона: «сложность».

В мире развиваются два универсальных процесса: *глобализация* и *индивидуация*, сопровождаемые трансформацией субъектов, объектов, ситуаций, развитием технического и технологического инструментария, мутацией политических и прочих институтов. Человек с некоторого момента своей истории все более активно пытается ослабить, отринуть, снять защитную/тираничную оболочку синкретичной тотальности в ее различных метаморфозах и модификациях, включая нивелирующие личность политические и идеологические обобщения нашего времени. Дальним же рубежом последнего раунда глобализации можно считать Берлинскую конференцию 1884-1885 гг. (поводом для которой послужила ситуация, складывавшаяся в Африке), ускорившую раздел обитаемого мира в соответствии с принципом «эффективной оккупации».

Глобализация и связанные с нею процессы охватили весь XX век, ставший началом обширной реконструкции человеческого общежития. Деконструкция имперских структур, сначала континентальных, затем морских, сформировали на обломках многочисленное и пестрое сообщество национальных государств. Происходил индустриальный прорыв сложившихся ранее обстоятельств, демонтаж сословных перегородок. Реституция личности, демократизация и либерализация политических устоев сопровождалась универсальной эмансипацией, ювенилизацией, десегрегацией, деколонизацией и, наконец, в наши дни обернулись возвратной волной культурно-демографической экспансии постколониального мира.

Кризис перехода ускорился после своего рода 30-ти летней войны, развернувшейся в первой половине столетия, а позднее негативным образом проявляется в ряде драматичных событий, в том числе ставивших под угрозу будущее цивилизации.

- 27 октября 1962 года советская подводная лодка «Б-59» (старшие офицеры – Василий Архипов и Валентин Савицкий), имевшая на борту ядерную торпеду и право применить ее в случае прямого нападения, встретила около Кубы с группой кораблей ВМС США. Лодка была обстреляна, а по данным советской стороны, против

нее были также применены глубинные бомбы. На субмарине между старшими офицерами возник конфликт по поводу необходимости применить ядерное оружие.

- 26 сентября 1983 года на командном пункте Серпухов-15 космической системы раннего предупреждения «Око» компьютер сообщил о запуске ракет с американской базы. Оперативный дежурный Станислав Петров, проанализировав обстановку, пришел к выводу, что произошло ложное срабатывание системы.

Так людям оказалось, в принципе, подвластно не только созидание глобальной цивилизации и персонализация мира, но с некоторого момента возникает потенциальная возможность коллапса антропологической вселенной, появляется призрак своего рода деструктивной глобализации – тень произвольного конца истории...

Деконструкция современного строя, преображаемого и атакуемого с различных позиций, раздвигает социальный горизонт:

- глобализация создает общую оболочку для практики и коммуникации, а индивидуация продуцирует в ней распределенное множество очагов транзита, служащих порталами иной организации универсума, отрицающей прежнее мироустройство и формирующей на планете креативную неопределенность, чреватую разнообразием траекторий;
- глобальная территориальная экспансия цивилизации постепенно замещается интенсивной колонизацией пространств будущего;
- цели и ментальность геополитики преодолеваются геоэкономикой, растет влияние геокультуры и роль геоантропологии;
- государственность реконструируется, уравнивается и поглощается обществом, преобразуя политические системы, структуры суверенитета и миропорядка, одновременно освобождая скованные эпохой модернизации силы и устремления;
- углубляется кризис существующей системы международных отношений, мировой бюрократии и связанных с ней институтов, формируется комплексная среда трансграничных связей, включая слабо-формализованных субъектов развития и неформальных агентов перемен;
- национальная государственность, утрачивая прежние смыслы и позиции, переживает фрустрацию, пробуждая «встречный ветер» национализма;
- практика пронизывается вирулентным феноменом людей-предприятий (*manterprisers*), множеством экзотичных, радикальных стартапов, сопровождаемых пришествием персонализированной генерации политиков: реконструкторов и популистов, действующих вне прежнего формата партийности.

Индустриальная оптимизация, нацеленная на строительство общего будущего, замещается производством избыточности, умножением возможностей и разбеганием маршрутов. Современный мир рассыпается на суверенные молекулы и конкурирующие венчурные композиции, преодолевающие предписания прежней культуры в попытке реализовать собственную версию постсовременного строя. Этот искрящийся энтузиазм многочисленного мира подрывает устойчивость нормативной культуры, сдвигает столпы времени и нарушает равновесие цивилизации. Состязание активированных, технически оснащенных индивидов и системно-модульных сообществ – субъектов, обладающих преадаптационным инстинктом, но с несовпадающими, подчас химеричными ценностными комплексами, принципами организации, моделями поведения, революционизирует ситуацию и хаотизирует среду. Цивилизация, пересекая «линии

горизонта» (Жак Аттали), пытается распознать ландшафт калейдоскопичного универсума, но «человек никогда не поднимется выше, чем тогда, когда не знает, куда идёт» (Кромвель).

Деконструкция современного мира, конфликт с пробуждающейся пост-современностью, дополняется и осложняется сполохами демодернизации, неоархаизации, прямой деструкции – своего рода отрицанием устремленной в будущее истории. Симптоматика отвержения и разложения Модернити проявляется в рассеянном по планете терроризме, метастазах криминальной власти, приливах аномизации, драматизациях самоуничтожения современными сикариями, декларациях мальтузианства и эсхатологизма – идеологии и феноменологии «культуры смерти»²⁴, способной по-своему распорядиться инструментарием, созданным цивилизацией.

Сознание и действие

То, что мы наблюдаем, — не сама природа, но природа, открывающаяся нашему способу задавать вопросы.

Вернер Гейзенберг

Когнитивные события определяют и аранжируют исторические повороты и перевороты. В свое время отрицание универсальности аристотелизма и обращение к инструментальному декодированию естественных законов стало источником новоевропейской науки. «Новая физика» осознала в своей глубинной сути как попытка прочесть запечатленный в творении язык и, отчасти постигнув логику Творца, приобщиться к ней, а не быть просто суммой разумных предположений. Плоды подобной инквизиции творения оказались эффективным средством опознания конструкторов и гармоник мироустройства. Следствием коррекции режима знания стало представление о невообразимой сложности мира и техническая мощь современной цивилизации.

Исследование бытия вслед за переворотом в естественных науках испытывает трудности с углубленным анализом антропологического космоса и трансляцией отчасти постигнутых сюжетов. Мир *ad hoc* предстает скорее драматичным, нежели привычным, человек мыслит природу реальности парадоксами, эксплуатируя «привилегию абсурдов» (Томас Гоббс) и адаптируя результаты логикой. Проблематика большой истории, включая импульсы идущей из будущего неизвестной цивилизации, сопряжена с расширением пространств, интегрирующих детерминированные, умеренно детерминированные, хаотические и стохастические процессы. Различение представлений и реальности, дополненное познанием непредставимого и алогичного, — предпосылка для результативных действий в сложных обстоятельствах.

Парадоксальность ситуации, однако, в том, что увеличение суммы знаний, как и в случае с квантовой механикой, не упрощает, а усложняет картину мира, делая ее более неопределенной.²⁵ Мы знаем больше, чем можем понять, понимаем больше, чем можем сказать, подтверждая и усугубляя разрыв между знанием, его вербализацией и реализацией. Будущее все чаще демонстрирует свойства текста, не прочитываемого конвенциональным языком, к тому же упрощение сложного дискурса может существенно менять транслируемый смысл. Смысловые тропы пронизывают функциональные,

²⁴ Неклесса А.И. 2006. Культура смерти. Азия и Африка сегодня. № 2. С. 3-11.

²⁵ Усложнение картины мира, его трактовки соотносится как с макро- так и микрообъектами и процессами, e.g.: а) теория струн, проблема темной материи, неоднородность Вселенной, масштабность «Великой стены Геркулеса»); б) двойственность материи, роль наблюдателя, квантовая запутанность, симуляция; в) множественность измерений и состояний вещества.

«игровые» пространства, смещаются и переплетаются, обнажая порой уходящий в бесконечность каскад не пересекающихся напрямую сюжетов.

Переосмысление кодов миропорядка – производное от ферментации перемен: вирулентных модификаций, отрицающих прошлое. Нелинейные процессы опознаются и декодируются при помощи концептов динамического хаоса (Андрей Колмогоров, Юрген Мозер, Эдвард Лоренц), самоподдерживающегося развития (Уильям Ростоу, Гру Харлем Брундтланд), самоорганизованной критичности (Пер Бак). Иницируется «новый диалог человека с природой» (Илья Пригожин) с использованием фрактальной картографии (Бенуа Мандельброт; ср. с практиками эскалации/деэскалации), негативной диалектики (Теодор Адорно; ср. с социальной значимостью индивидуации и дефектом обобщений, подавляющих уникальность), деконструкции бинарных суждений (Жак Деррида; ср. с деконструкцией блокового противостояния), двусмысленной экспериментальной философии (Джошуа Ноб), релевантности и прагматизма модельно-зависимого реализма (Стивен Хокинг) как более адекватного инструментария для ориентации сложного человека в сложном мире.

Намечается коррекция «режима истины» (Мишель Фуко), обретаются новая исследовательская позиция и перспектива, допускающие присутствие метафизических смыслов и поликультурных языков в легитимном дискурсивном пространстве. Складывается иной тип рефлексии с заметной примесью личностного знания (Майкл Полани), меняющей координаты восприятия и осмысления мира. Растет также значение математики как универсального языка, обрастающего наречиями, востребована роль художественного мышления как интегратора, фиксирующего опознанные, но не познанные явления – «известные неизвестности» (Дональд Рамсфельд).²⁶

Опыт масштабных боевых и тыловых операций II мировой войны расширил горизонт намерений и возможностей, конвертируясь также в методы, используемые в гражданской сфере, стимулируя разработку больших и долгосрочных проектов на основе системного анализа. А из интеллектуальных корпораций подобного рода известность получила связанная с военным ведомством корпорация РЭНД. Явлением в сфере социального проектирования и прогнозирования стали в свое время доклады Римскому клубу.²⁷ Заявленный в них подход – активное представление будущего (Эрих Янч), базировался на трех принципах, сформулированных отцом-основателем клуба Аурелио Печчеи: глобальность, долгосрочность, трансдисциплинарность (холизм). Наибольшую же известность из интеллектуальных центров, занимающихся проблемой сложности, нелинейными динамическими процессами, поведением самоорганизующихся и высокоадаптивных систем получил Институт Санта Фе, основанный группой ученых преимущественно из Лос-Аламосской лаборатории.

Методологическая революция в организации познания, действия, управления прошла ряд этапов, создав набор инструментов успеха, различным образом учитывающих масштаб и характер возникающих обстоятельств:

²⁶ «The message is that there are no "knowns". There are things we know that we know. There are known unknowns. That is to say there are things that we now know we don't know. But there are also unknown unknowns. There are things we don't know we don't know. So when we do the best we can and we pull all this information together, and we then say well that's basically what we see as the situation, that is really only the known knowns and the known unknowns. And each year, we discover a few more of those unknown unknowns». Rumsfeld D. 2002. Press Conference by US Secretary of Defense. URL: <https://www.nato.int/docu/speech/2002/s020606g.htm>

²⁷ См.: Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. Сост.: Д.М. Гвишиани, А.И. Колчин, Е.В. Нетесова, А.А. Сейтов. М.: УРСС. 1997.

- методы, основанные на *системном подходе*: исследование операций, системный анализ, системная динамика, матричный анализ;
- методы, учитывающие *нелинейность процессов* и *неопределенность обстоятельств*: внешнее/косвенное управление, реализуемое посредством аттракторов; антропо-ориентированное рефлексивное, точечное, рефлекторное управление; теория самоорганизующейся критичности и принципы проектирования высокоадаптивных неравновесных устойчивых систем, способных к самоподдерживающемуся развитию; искусство неклассического оператора, возможности синергичного управления процессами и событиями (*serendipity*).

Поиск адекватных обстоятельствам методов управления стимулируется умножением критических зон и «дьявольских» ситуаций.²⁸ Снижение эффективности конвенциональных институтов знания порождает свободный рынок интеллектуальной продукции и услуг, трансформирующий прежние исследовательские стратегии. Складывается корпус креативных технологических производств, по-своему разрабатывающих и прописывающих практическую рецептуру. Необходимость вписывать новые методы в сложившийся научный контекст, соблюдать их соответствие «бритве Оккама» и принципу репликации результатов при экспериментальной проверке, сосуществует с парадигмой «черного ящика», избыточностью и параллелизмом объяснительных прописей, отсутствием устойчивого воспроизводства результата при наличии суммарной или даже спорадической эффективности.

Критическая роль в постсовременных траекториях принадлежит культурному и человеческому капиталу – смысловым и антропологическим инициативам, влияющим на гармонию строя, в контексте которого происходят события. Трудности с опознанием, осознанием, управлением явлениями и процессами в комплексной среде связаны с дискретностью социокультурного ландшафта, ограниченностью человеческого сознания и кадровым дефицитом. Проблема обостряется из-за растущих требований к интеллектуальному, образовательному, моральному статусу и к психофизиологическим характеристикам, а также из-за разного рода дефектов людской натуры: стремления к отторжению сложности, доминированию обыденного мышления, эмоционального дисбаланса, усечения размышлений и упрощения рассуждений.

Обновляются принципы картографирования деятельной среды: конструкты геополитики уступают первенство геоэкономическому подходу, в свою очередь не всегда успешно конкурирующему с языком геокультуры и чертежами геоантропологии (отражающей рубежи перераспределения кадровых ресурсов, формат их преимущественных локализаций и вектора «голосования ногами»). Совмещение национальных, наднациональных, субсидиарных, корпоративных, антропо-социальных субъектов, провоцирует возможность «маловероятного высокоэффективного события» (Ричард Чейни) и размышления о «неизвестных неизвестностях».

Мы движемся по кромке грядущей композиции человеческой вселенной – ее непрерывного, многомерного настоящего. Происходящая культурная, интеллектуальная и антропологическая реконструкция – основание для существенной коррекции алгоритмов практики и обновления цивилизационного маршрутизатора. Поезд истории меняет колею и отходит от промежуточного вокзала.

²⁸ Подробнее см.: Неклесса А.И. 2018. «Исламское государство» как феномен государства-организации // Приватизация будущего. *ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия*. Специальный выпуск. М.: ИНТЕЛПРОС. С. 12–24; Khalaji M. 2008. Apocalyptic Politics: On the Rationality of Iranian Policy. – *Policy Focus*. No. 79. Washington: The Washington Institute for Near East Policy, 42 p.

29th Economic Forum

Krynica Zdrój, Poland, 3-5 September, 2019

The Economic Forum in Krynica is the largest conference in Central and Eastern Europe. Every year the Forum at the beginning of September brings together more than 4,500 international guests. These include political, economic and social leaders as well as approx. 600 journalists. The guests usually come from over 60 different countries of Europe, Asia, Africa and America. The Forum's mission is to create a favorable climate for the development of political and economic cooperation between the EU member states and their neighbors.

Organizational outline:

- 6 Plenary Sessions
- More than 200 panel discussions and lectures by formidable personalities from the public sphere
- Workshops and round-table discussions
- National and regional presentations

Panel: "Will the World Order Turn into Global Chaos?"

Moderator:

Alexander Neklessa, Head of the Laboratory "North-South", Center of Civilizational & Regional Studies, Institute for African studies, RAS, Russia

Speakers:

Jean-Christophe Bas, CEO and Executive Board Chairman, Dialogue of Civilizations (DOC) Research Institute, France

David Earnshaw, Associate Vice President, European Public Policy, MSD, Belgium

Dirk Niebel, Minister (2009–2013) for Economic Cooperation and Development, Germany

Marija Risteska, Founder and Executive Director, Center for Research and Policy Making, North Macedonia

Karel Schwarzenberg, Vice Chairman of the Foreign Affairs Committee, Chamber of Deputies of the Parliament of the Czech Republic

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ IX ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНВЕНТ 28 октября - 1 ноября 2019 г., Ростов-на-Дону

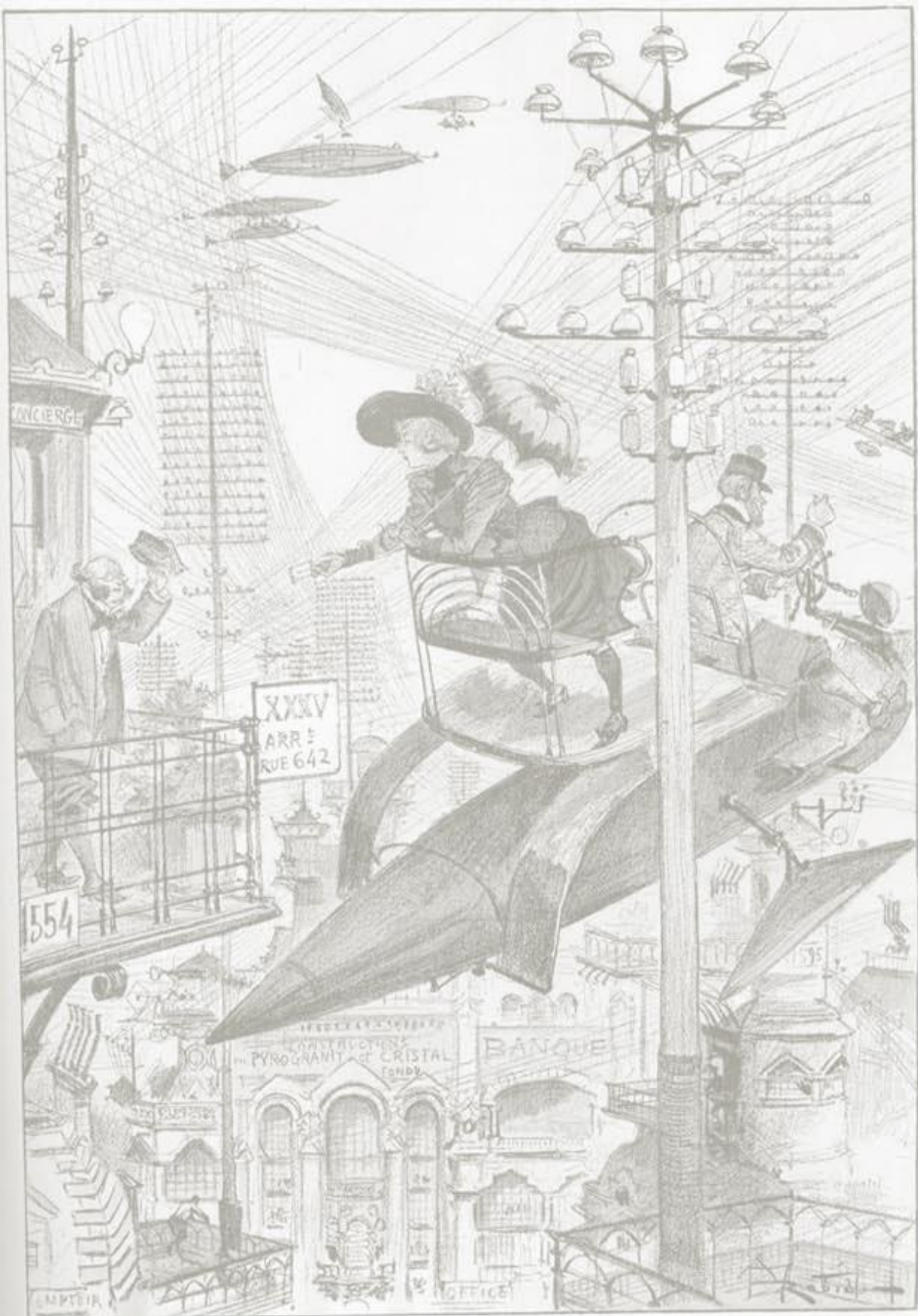

В Южном Федеральном Университете (Ростов на Дону) с 28 октября по 1 ноября 2019 г. прошла Всероссийская конференция с международным участием – IX Южно-Российский политологический конвент, организованная Российской Ассоциацией политической науки (РАПН), Южным Федеральным Университетом, Институтом философии и социально-политических наук.

Справочно: Южно-Российский политологический конвент проходит ежегодно с 2010 года на базе Южного федерального университета. Конвент представляет собой серию научных, общественно-политических и образовательных мероприятий различной тематики, непрерывно сменяющих друг друга в течение недели.

- ❖ новые политические идеи и акторы в эпоху перемен;
- ❖ исследование политического пространства: от мировой повестки до социально-политических аспектов региональной политики;
- ❖ вызовы и угрозы международной и национальной безопасности, отражают поиск эффективного инструментария для ответа на вызовы XXI века.

Доклад «Борьба за будущее. Методологические и прогностические аспекты цивилизационной конкуренции» был заслушан на пленарном заседании Конвента. А.И. Неклесса также прочитал студентам Южно-Российского университета открытую лекцию «Борьба за будущее. Глобальная трансформация и социальная ментальность», провел мастер-класс «Борьба за будущее. Методология управления сложными социальными объектами, субъектами и процессами», принял участие в круглом столе «Философия и идеология от Маркса до постмодерна» (выступление «Методологические проблемы оценки цивилизационной динамики: позиция Маркса и актуальный аналитический инструментарий»).

Александр Иванович Неклесса (Alexander Neklessa). Руководитель экспертно-образовательного объединения «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия». Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН). Руководитель Группы «Север-Юг» (aka Лаборатория «Север-Юг») Центра цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН).

Действительный член российских отделений Всемирной федерации исследований будущего (WFSF) и Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), а также

Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова. Член Международного редакционного совета (от России) журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук, Экспертного совета журнала «Экономические стратегии» (ИНЭС РАН, Россия). Руководитель семинара «Нексус» (ИНТЕЛПРОС – Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации РАН). Член Совета Школы эффективных коммуникаций «Репное».

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, заместителем генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ». Являлся членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ» и аналитической группы Совета Обороны РФ.

Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН), междисциплинарным семинаром «SYNERGIA» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН).

Вел авторскую аналитическую программу «Будущее» / FINAM FM (диплом Международной академии исследования будущего, 2009; лауреат Всероссийской премии в области общественно-политической проблематики «Власть №4»/номинация «Лучший текст о будущем», 2011).

Автор примерно 700 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Научный руководитель/автор проектов СИНЛА/Глобальная трансформация (1984-1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), ГЕОКОН (1991-1996), ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО (1997-2003), СОФИЯ (2003-2012), КАМЕЛОТ (2004), КП (2005-2006), СИНЕРГИЯ (2007-2010), ВВЦ-2/Парк Россия (2009-2010), ФЕНИКС-К (2010), БОЛЬШАЯ ВОЛХОНКА (2011), РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (2010-2012), ЛИК/Пайдеия (2010-2014), ГИБРИДНЫЙ МИР (2015), СОЗИДАНИЕ БУДУЩЕГО (2016-2017), БОРЬБА ЗА БУДУЩЕЕ (2018-2020), ИНТЕЛПРОС (2003 – по настоящее время).

Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития (геоэкономика-геокультура-геоантропология); методология анализа, прогноза и управления в ситуациях неопределенности; философия истории.

<http://intelros.ru>

neklessa@intelros.ru